Цифровая трансформация правоприменения: вызовы для уголовно-правовой практики в условиях электронного государства

Горлова Даная Михайловна
Студент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Денисов Сергей Иванович
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Статья посвящена комплексному анализу трансформации правоприменительной деятельности под влиянием цифровых технологий в рамках становления электронного государства. Актуальность выбранной темы заключается в том, что стремительная цифровая трансформация правоприменения в условиях электронного государства порождает новые вызовы для уголовно-правовой практики, требующие теоретико-правового исследования основ и уголовно-правовых последствий цифровизации, включая проблемы защиты персональных данных и процессуальную адаптацию, что выступает необходимым условием обеспечения эффективности, легитимности и защиты прав граждан в цифровой среде. Целью исследования является комплексный анализ цифровизации правоприменения как элемента электронного государства, выявление ее теоретико-правовых моделей, а также специфики уголовно-правового регулирования и правоприменительной практики в новых условиях. Методологию работы составляет совокупность общенаучных и частноправовых методов: диалектический, формально-правовой, системно-структурный, сравнительно-правовой анализ, а также исследование судебной практики и элементы правотворческого анализа. Сделан вывод, что цифровая трансформация правоприменения в условиях электронного государства выступает объективным фактором, требующим системной перестройки уголовно-правовой практики. Проведенный анализ показывает, что внедрение цифровых технологий порождает не только новые возможности для повышения эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства, но и существенные риски. Преодоление выявленных вызовов возможно лишь при условии опережающего нормативного регулирования, сохранения принципа состязательности и обеспечения цифровой безопасности участников процесса.

Ключевые слова: цифровизация правоприменения, правовое регулирование, электронное государство, цифровая трансформация права, искусственный интеллект, информационно-коммуникационные технологии, электронное правосудие, электронное правительство, автоматизация управленческих процессов.

В современном мире одним из основных факторов, оказывающих влияние на общественные отношения и их правовое регулирование, выступают процессы, обозначаемые словом «цифровизация». Под цифровизацией понимается процесс внедрения цифровых технологий и инноваций во все сферы государственной и общественной жизни [1]. Данный процесс применяется в различных отраслях: производство, право, образование, здравоохранение, финансы и многие другие. Но, одним из главных преимуществ цифровизации является возможность автоматизации процессов.

Взаимосвязь цифровизации и права, проявляется в двух ключевых аспектах. С одной стороны, право вынуждено реагировать на вызовы цифровой эпохи, создавая новые нормы для регулирования технологически трансформированных общественных отношений. С другой – сами цифровые технологии становятся инструментом модернизации правовой системы, изменяя традиционные формы права, его источники и правовые механизмы.

Многогранность и масштабность влияния цифровых технологий на право обусловливают потребность в его комплексном междисциплинарном изучении. В настоящее время отечественная правовая наука активно включилась в этот процесс. Первые результаты исследований уже позволяют обозначить основные перспективы развития правового регулирования в цифровую эпоху.

Исследуя явления, происходящие в самом праве, ученые отмечают, что одним из следствий цифровизации выступает появление в нем так называемых циклических правовых массивов, которые не входят ни в одну отрасль права, но вместе с тем пронизывают своими нормами целый ряд отраслей [2: с. 90–91]. Полагается, что одной из ключевых задач современной теоретико-правовой науки является анализ и понимание этого нового явления, которое может трансформировать наши текущие представления о праве.

Современные исследователи отмечают, что цифровизация оказывает многоаспектное влияние на правовую систему, которое развивается по нескольким ключевым направлениям.

Во-первых, изменяется структура права. Цифровые процессы трансформируют внутреннее строение права, что ставит под сомнение традиционные критерии выделения отраслей права и классическое деление на публичное и частное право.

Во-вторых, трансформируются системы источников права. Меняется иерархия и соотношение между законами и подзаконными актами, а также их формальные характеристики. В будущем можно прогнозировать возникновение принципиально нового источника — электронного нормативного акта.

В-третьих, возникают и получают широкое практическое применение новые, технологически продвинутые формы систематизации правового материала. Зачастую они оказываются более эффективными и удобными для пользователей, чем классические методы.

В-четвёртых, цифровые технологии активно внедряются в правоприменительную, в том числе судебную деятельность. Процесс принятия решений становится всё бо-

лее автоматизированным, а в мировой практике уже известны случаи проведения судебных процессов с участием роботов в роли судьи.

В частности, с 2015 года в Китае действует система «Умный суд», которая не только помогает судье, но и выступает в роли виртуального судьи по несложным делам, например, по спорам о нарушении авторских прав. Китайских судей обязали консультироваться с ИИ по каждому делу, а в случае отклонения его рекомендаций — письменно мотивировать своё решение.

Также в конце января 2023 года в городе Картахена (Колумбия) судья обратился к чат-боту ChatGPT при вынесении решения о компенсации выплат по страховке. Чат-бот сформулировал для судьи решение, снабдив его ссылками на практику и разъяснения местного Верховного суда.

В Белгородской области, например, впервые в России в судах протестировали робота-стенографиста. Проект получил название "Нестор. Правосудие". Электронный помощник фиксирует каждый звук в зале заседаний и превращает его в текст. Система позволяет сократить время подготовки протокола заседания в два раза [3].

На XX Совещании председателей верховных судов государств — членов Шанхайской организации сотрудничества председатель Верховного суда России Ирина Подносова сообщила, что в судейском сообществе обсуждается возможность применения искусственного интеллекта в судебной работе. При этом активно изучается соответствующий зарубежный опыт.

По её словам, автоматизация правосудия может значительно упростить труд судей и сотрудников аппаратов судов. Однако использование технологий допустимо лишь по бесспорным, техническим вопросам, не требующим анализа правоотношений сторон. Искусственный интеллект способен взять на себя рутинные задачи, например, анализ документов [4].

Для разработки концептуальных подходов к внедрению ИИ в судах Совет судей России уже создал специальную рабочую группу. Эту тему также затронул заместитель генерального директора Судебного департамента при Верховном суде России Алмаз Ибрагимов. В своём выступлении он подчеркнул, что цифровая трансформация судебных систем невозможна без внедрения передовых технологий [4].

В-пятых, цифровые технологии порождают целые новые области общественных отношений и социальные механизмы, которые пока в полной мере не охвачены правовым регулированием. На современном этапе развития права значительная часть этих отношений может оставаться за его пределами.

Также, важно отметить, что цифровизация служит катализатором формирования информационного общества, это ведёт к трансформации отношений между государством и личностью и, как следствие, — к необходимости изменения сложившихся моделей правового регулирования, тем самым порождая формирование электронного государства и транснационального гражданского общества.

Электронное государство представляет собой современную модель организации и осуществления государственной власти, основанную на комплексном использовании информационных технологий для трансформации принципов управления, которые направлены на повышение эффективности и прозрачности власти, а также создание более ориентированной на граждан среды. Таким образом, ключевым элементом цифровизации является переход от социально-экономических и управленческих систем на цифровой уровень. В данном случае, цифровизация выступает как движущая сила и технологическая основа, а электронное государство представляет собой институциональную и организационную форму, в которую воплощается эта сила.

Термин «электронное государство» возник в 1997 году, когда Национальным научным фондом США было введено в оборот понятие «цифровое правительство». 17 сентября 2002 года в США был принят закон «Об электронном государстве», согласно которому под данным термином понимается использование государством Интернета и других информационных технологий в целях расширения доступа общественности и государственных структур к информации и службам, а также для повышения эффективности и качества работы информационных технологий [5].

Тема взаимодействия транснационального гражданского общества и электронного государства в эпоху цифровизации является одной из ключевых для понимания современной трансформации управления.

Цифровизация наделяет граждан новыми инструментами и возможностями, превращая их из простых потребителей государственных услуг в активных соавторов политических процессов. Формируется фигура "глобального цифрового гражданина", который мобилизуется через национальные границы, используя цифровые платформы для выдвижения новых требований. Это находит отражение в функция, которые выполняет электронное гражданское общество (далее ЭГО).

Одной из ключевых функций ЭГО является информационно- аналитическая, посредством которой граждане через жалобы и сообщения передают проблемы на местах. Эта информация используется властью для мониторинга ситуации и принятия точечных управленческих решений.

Другой функцией является контроль за эффективностью работы муниципальных и региональных органов. Таким образом, граждане косвенно участвуют в надзоре за нижестоящими уровнями управления.

Коммуникационная функция обеспечивает прямой канал для решения конкретных проблем граждан без участия посредников, тем самым повышается эффективность государственного управления.

Также, на муниципальном уровне реализуются проекты по обучению граждан цифровой грамотности и навыкам взаимодействия с государством онлайн. Например, проект «Виртуальный кабинет электронного гражданина» в Омске, который помогает осваивать цифровые сервисы. Также постепенно внедряются чат-баты для автоматизации ответов на типовые запросы жителей.

Анализ сильных и слабых сторон электронного гражданского общества позволяет увидеть, как цифровые инструменты одновременно расширяют возможности граждан и создают новые риски.

Из преимуществ, можно выделить то, что цифровые технологии делают гражданскую активность доступной для людей с ограниченными возможностями здоровья, жителей отдаленных регионов и тех, у кого нет физической возможности посещать собрания. Для участия достаточно иметь доступ в интернет. Электронные жалобы позволяют мгновенно собирать информацию о локальных проблемах (например, яма на дороге) и быстро доносить ее до ответственных лиц. Государство получает возможность просматривать ситуацию в режиме реального времени. Электронные голосования по вопросам благоустройства или развития территорий позволяют властям опираться на мнение жителей при выборе приоритетных проектов.

Из недостатков, можно отметить, что не у всех социальных групп (пожилые люди, малообеспеченные слои, жители мест с плохим интернетом) есть равный доступ к цифровым технологиям или навыки их использования.

Это создает риск, что их голос не будет услышан, а решения будут приниматься в интересах более "цифровой" части населения. Возможность "лайкнуть" или "подписать петицию" одним кликом создает иллюзию гражданской активности, которая часто не перерастает в реальные действия и не требует от человека глубокого погружения в проблему. Также, онлайн-голосования и обсуждения могут быть подвержены накруткам с помощью ботов, что искажает реальную картину общественного мнения. Ключевыми дискуссионными проблемами электронного гражданского общества остаются, во-первых, проблема цифрового неравенства, ограничивающая доступ к участию, и, во-вторых, вопрос о способности виртуальной солидарности заместить традиционные, требующие физического присутствия формы коллективного действия. Кроме того, Ю. Хабермас в своей поздней работе «Новая структурная трансформация публичной сферы» (2022) дает негативный прогноз развитию публичной сферы в условиях доминирования социальных медиа: по его мнению, коммерческая природа платформ ведет к деградации рациональной дискуссии. Стирание границ между приватным и публичным, отсутствие профессиональной фильтрации информации провоцируют рост дезинформации и замыкание пользователей в «эхо-камерах», что фундаментально подрывает основы демократического дискурса [6, с. 45-50].

В конечном счете, электронное гражданское общество предстает перед нами как неизбежный и закономерный этап эволюции гражданского активизма, его новая институциональная форма, адаптированная к вызовам и возможностям цифровой эпохи. Это не параллельная реальность, а органичное продолжение традиционных практик, интегрирующее их в современные технологические ландшафты. Его ключевая функция — не замена живого общения или коллективных действий, а их оптимизация и расширение за счет цифровых инструментов. Однако успешность этой интеграции напрямую зависит от способности государства и общества ответить на фундаментальные вопросы: как обеспечить равный доступ к участию для всех социальных групп, как защитить публичную сферу от деструктивного влияния и дезинформации, и как превратить электронные платформы из инструментов сбора жалоб в механизмы подлинного диалога.

Цифровое право: уголовно-правовой аспект

Стремительная трансформация общественных отношений является ключевым фактором, дестабилизирующим классическую систему уголовного права. Традиционные институты и составы преступлений, рассчитанные на материальный мир, зачастую не позволяют адекватно квалифицировать деяния, совершенные с использованием высоких технологий.

В контексте цифровизации уголовно-правовой сферы особое значение приобретает адаптация законодательства к вызовам киберпространства. Как отмечается в Будапештской конвенции о киберпреступности 2001 года, под киберпреступлениями понимаются деяния, посягающие на конфиденциальность, целостность и доступность компьютерных систем, сетей и данных, а также иные формы злоупотребления ими [7].

Киберпреступность представляет собой феномен, при котором цифровая среда выступает одновременно и средством совершения правонарушения, и объектом преступного посягательства. Процессы цифровой трансформации придают этому виду криминальной активности качественно новые характеристики, отличающие её от традиционной преступности. К числу таких особенностей относятся: трансграничный характер деяний, объективные сложности в установлении геолокации субъекта и места правонарушения, затруднённость визуальной фиксации и процессуального закрепления следов, недостаточная эффективность контрольных механизмов, анонимность в сети, высокая скорость и автоматизация противоправных операций, нетривиальность способов совершения преступлений, а также низкие показатели раскрываемости [8].

Указанные особенности порождают комплекс проблем правоприменения, напрямую связанных с процессом цифровизации уголовного судопроизводства. Ключевыми из них являются трудности собирания и процессуального закрепления электронных доказательств, относительная простота уничтожения или маскировки цифровых следов, сложности идентификации личности и местонахождения злоумышленника, а также отсутствие территориальных границ в виртуальном пространстве.

Практика применения уголовного законодательства в условиях цифровизации свидетельствует, что среди составов, сопряжённых с киберпреступностью, наиболее востребованными остаются статьи, предусматривающие ответственность за нарушение тайны переписки и неприкосновенности частной жизни (ст. 137, 138 УК РФ), хищения с использованием электронных средств платежа и информационных систем (ст. 158, 159.3, 159.6 УК РФ), разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны (ст. 183 УК РФ), преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемые с применением цифровых технологий (ст. 228, 228.1 УК РФ), противоправный контент (ст. 242, 242.1 УК РФ), а также традиционные компьютерные преступления, предусмотренные главой 28 УК РФ (ст. 272–274 УК РФ).

Кроме того, в 2024 году Кодекс дополнили новой статьёй 272.1, которая вводит ответственность за незаконное использование, передачу, сбор или хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные [9].

Цифровизация всех сфер общественной жизни оказывает противоречивое влияние на состояние преступности и требует осмысления в уголовно-правовом ключе. Известный российский криминолог Я.И. Гилинский обращает внимание на парадоксальный эффект виртуализации досуга: снижение уличной преступности среди молодежи он связывает с уходом криминально активных подростков в цифровую среду, где они находят альтернативные способы самоутверждения и самореализации, ранее нередко достигавшиеся противоправным поведением в физическом пространстве [10].

Схожие выводы демонстрируют зарубежные исследования. Ученые университетов Вилланова и Рутгерса (США) зафиксировали корреляцию между пиковыми продажами видеоигр жанра «шутер» и снижением уровня насильственных преступлений, включая убийства. Гипотетически это объясняется тем, что виртуальная среда выполняет функцию «клапана» для сублимации агрессивных импульсов, позволяя лицам, предрасположенным к насилию, высвобождать деструктивную энергию в цифровом пространстве без перехода в реальное противоправное поведение [11, с.57-58].

Однако процессы цифровизации несут и обратную, криминогенную сторону. Согласно официальным данным МВД РФ, за январь–август 2021 года зарегистрировано 358,8 тыс. преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 12,7% превышает показатели предыдущего года. Удельный вес таких деяний достиг 26% от общего массива преступности, причем более половины (56,7%) из них относятся к категориям тяжких и особо тяжких. Динамика цифровой преступности демонстрирует устойчивый рост: с 2015 по 2020 год доля IT-преступлений увеличилась с 2% до 25%. Статистика Следственного комитета свидетельствует о более чем двадцатикратном росте киберпреступности за последние семь лет [12].

В контексте цифровизации уголовно-правовой сферы принципиально новым этапом становится разработка так называемого «цифрового закона» — перевода правовых предписаний в форму, доступную для восприятия и исполнения роботами и системами искусственного интеллекта. Как отмечают Д.А. Пашенцев и Д.Р. Алимова, подобный закон, утрачивая текстуальную форму, гипотетически освобождается от необходимости толкования, лишается внутренних противоречий и снимает многовековую дихотомию естественного и позитивного права [13]. Более того, его формирование может осуществляться при непосредственном участии широких слоёв населения, чьи позиции способен анализировать искусственный интеллект.

Тема внедрения искусственного интеллекта в юриспруденцию сегодня вызывает множество дискуссий. Озвучиваются прогнозы о том, что в скором времени расследование преступлений станет кабинетной работой, а приговоры будут выноситься в виртуальной реальности. Однако, по мнению заслуженного юриста России Роберта Абдулина, подобная автоматизация правосудия вступает в непреодолимое противоречие с его фундаментальными принципами. Эксперт напоминает о статье 17 УПК РФ, где ключевым критерием оценки доказательств выступает «внутреннее убеждение», основанное на законе и совести. Профессор подчеркивает: никакой, даже самый совершенный алгоритм не способен испытывать совесть или иметь личные убеждения. Искусственному разуму безразлична человеческая судьба и мотивы преступника, а значит, он не может заменить живого участника процесса.

Показательна в этом отношении проблема квалификации преступлений против жизни. Предположим, обнаружен труп со следами насильственной смерти. Автоматизированная система, обученная распознавать формальные составы, с высокой долей вероятности классифицирует деяние по части 1 статьи 105 УК РФ как «простое» убийство. Однако в ходе расследования могут открыться обстоятельства, кардинально меняющие юридическую оценку: выяснится, что смерть наступила вследствие неосторожности или тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ), либо убийство было совершено в состоянии аффекта, вызванного противоправным поведением самого потерпевшего (ст. 107 УК РФ). Разница в санкциях этих статей колоссальна и напрямую влияет на судьбу человека.

Искусственный интеллект, оперирующий исключительно формальными признаками и запрограммированными алгоритмами, окажется неспособен учесть всю совокупность психологических и ситуационных нюансов. Ему недоступно то «внутреннее убеждение», которое формируется у следователя или судьи на основе изучения мотивов, обстановки, личности участников событий. Окончательное и взвешенное решение здесь требует именно человеческого участия — знаний психологии, жизненного опыта, способности к эмпатии и тонкому анализу доказательств в их взаимосвязи. Только человек может обеспечить ту необходимую гибкость правосудия, которая позволяет за формальными признаками состава разглядеть реальную картину произошедшего.

Вместе с тем, признавая ограниченность ИИ в принятии стратегических решений, нельзя отрицать его потенциал в решении задач тактических и технических. Наиболее перспективной сферой внедрения автоматизации представляется ведение протокола судебного заседания — то самое «зеркало процесса», от полноты которого зависит качество последующего контроля. Сегодня эта функция возложена на секретарей, чья работа осложняется высокой нагрузкой и текучестью кадров, что неизбежно ведет к ошибкам и пропускам. Автоматическая система цифровой фиксации, основанная на технологиях распознавания речи, способна обеспечить абсолютную полноту, аутентичность и точность протокола, освободив человека для выполнения тех задач, где он незаменим, — для разбирательства по существу и принятия справедливого решения».

Однако внедрение цифрового закона в уголовно-правовую материю сопряжено с серьёзными теоретическими и прикладными вызовами. Юридические тексты изначально полисемичны: одни и те же термины способны наполняться различным содержанием даже в пределах одного нормативного акта, не говоря уже о межотраслевых расхождениях. Преодоление этого барьера требует масштабной унификации понятийного аппарата уголовного права. Не менее сложной представляется задача алгоритмизации квалификации преступлений. Современная доктрина уголовного права так и не выработала единой, формализованной теории квалификации: на практике данный процесс нередко основывается на правовой интуиции, а не на строгом следовании алгоритмам [14, с.42]. Отсутствие чётких правил, пригодных для машинной обработки, ставит под сомнение возможность создания полноценной автоматизированной системы квалификации деяний.

Единственным отечественным проектом в данной области остаётся концепция «цифрового квалификатора», позволяющего осуществлять поиск судебных прецедентов не по ключевым словам, а на основе описания фактических обстоятельств дела [15]. Схожий функционал уже частично реализован в системе «КонсультантПлюс» в модуле специального поиска судебной практики.

Особого внимания в рамках цифровизации уголовного судопроизводства заслуживает запатентованная разработка профессора Х.Д. Аликперова — компьютерная программа «Электронные весы правосудия». Данный инструмент предназначен для подбора оптимальной меры наказания с учётом индивидуализированных обстоятельств совершённого преступления и формализованных правил назначения наказания. Программа функционирует в четырёх режимах: единичное преступление, рецидив, совокупность преступлений и соучастие. Как полагает автор, внедрение «Электронных весов правосудия» способно минимизировать влияние коррупциогенных факторов на судейское усмотрение и выступить эффективным вспомогательным инструментом при определении справедливой меры ответственности [16, с. 64].

Таким образом, цифровизация в уголовно-правовом аспекте предстает как сложный, многоплановый процесс. С одной стороны, виртуальная среда способна выступать социальным амортизатором, снижая потенциал традиционной насильственной преступности. С другой — она сама генерирует масштабный пласт новых угроз, требующих адекватной уголовно-правовой охраны и эффективных механизмов противодействия. В условиях цифровой среды киберпреступления утрачивают привязку к территории конкретного государства: правонарушитель, физически находясь в одной стране, способен одновременно поражать информационные системы и причинять вред гражданам множества других государств. Виртуальное пространство нивелирует значение государственных границ, делая преступный инструментарий доступным любому лицу вне зависимости от его местонахождения.

Проведенный в рамках настоящей статьи анализ цифровой трансформации правоприменения в условиях формирования электронного государства позволяет сформулировать ряд итоговых положений, имеющих значение как для развития теории права, так и для совершенствования уголовно-правовой практики.

Исследование подтверждает, что внедрение информационно-коммуникационных технологий в правоприменительную деятельность носит двойственный характер. С

одной стороны, цифровизация открывает новые возможности для оптимизации процессуальных механизмов: электронный документооборот, автоматизация рутинных процедур, использование систем видео-конференц-связи и технологий искусственного интеллекта для аналитической поддержки способны существенно повысить эффективность правоприменения, сократить временные и организационные издержки. С другой стороны, как справедливо отмечают исследователи, «цифровизация влияет на форму процесса, но не меняет сущности правосудия, основным содержанием которого является защита прав и охраняемых законом интересов.

Также, наблюдается пробел между алгоритмической природой искусственного интеллекта и сущностными характеристиками правоприменения как вида человеческой деятельности. Правоприменение, особенно в уголовно-правовой сфере, не сводится к формально-логическим операциям с нормативным материалом. Оно включает в себя этические и психологические компоненты, важнейшим из которых выступает категория «внутреннего убеждения», основанного не только на законе, но и на совести. Искусственному интеллекту, по меткому выражению Р. Абдулина, «неведомо, что такое совесть», ему «абсолютно все равно, кто перед ним сидит и почему он совершил преступление». Следовательно, любые попытки делегирования машине функций, связанных с оценкой доказательств, по внутреннему убеждению, или постановлением приговора, разрушают саму антропологическую основу правосудия.

Счетная палата РФ констатирует отсутствие единой стратегии цифровизации судебной системы, фрагментарность финансирования, технологическую неоднородность различных звеньев судебной власти и риски утраты контроля над судебной информацией в связи с использованием частных информационных систем. Наблюдается «ориентация не на эффективность, а на легитимность», когда внедрение технологий «носит ритуальный характер» и служит демонстрации современности и социальной ответственности. Электронное государство в целом не функционирует надлежащим образом из-за несовместимости информационных систем, созданных в отсутствие единых форматов данных.

Таким образом, цифровая трансформация правоприменения должна развиваться эволюционно, а не революционно. Технологии призваны не заменять человека в правоприменительном процессе, а служить вспомогательным инструментом, повышающим качество его работы. Перспективными направлениями могут быть: развитие электронного документооборота и межведомственного взаимодействия, совершенствование систем видеоконференц-связи, внедрение технологий искусственного интеллекта для подготовки проектов судебных актов по бесспорным категориям дел (судебные приказы), аналитической обработки судебной практики и информационно-справочного обеспечения правоприменителей.

При этом принципиально важным остается сохранение за человеком права на окончательное решение, основанное на свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению. Это необходимо для того, чтобы базовые принципы правосудия, такие как независимость судей, состязательность, непосредственность исследования доказательств, право на справедливое судебное разбирательство, сохраняли свое значение в качестве нормативных пределов цифровизации.

Таким образом, цифровая трансформация правоприменения в условиях электронного государства представляет собой сложный, многомерный процесс, успешность которого зависит от способности найти баланс между технологической модернизацией и сохранением гуманистической сущности права, между эффективностью и справедливостью, между инновациями и правовыми традициями. Тем самым, использовать технологии, не подменяя живое правосудие алгоритмами.

Литература

1. Словарь терминов и понятий цифровой дидактики / Рос. гос. проф.-пед. ун-т; авт.- сост.: Ломовцева Н. В., Заречнева К. М., Ушакова О. В., Ярина С. Ю., – Екатеринбург: РГППУ: Ажур, 2021. – 84 с.
2. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 89–94.
3. Сможет ли робот заменить судью//Российская газета - Неделя - Урал: 21.11 2019 URL:https://rg.ru/2019/11/12/reg-urfo/smozhet-li-robot zamenit.sudiu.html?ysclid=mldqf6i0jg509449953&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F. (дата обращения: 08.02.2026).
4. Верховный суд России изучает опыт применения искусственного интеллекта URL:https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media /34359/?ysclid=mlh1ur9tvv493348971. (дата обращения: 08.02.2026).
5. E-Government Act of 2002: Закон США «О цифровом (электронном) государстве» от 17.12.2002. Pub. L. No. 107-347, 116 Stat. 2899. URL: https://www.justice.gov/opcl/e-government-act-2002 (дата обращения: 08.02.2026).
6. Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / пер. с нем. Т. Атнашева. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 104 с.
7. Кочкина Э. Л. Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. № 3 (17). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-kiberprestuplenie-otdelnye- vidy-kiberprestupleniy (дата обращения: 12.02.2026). — Текст: электронный.
8. Винкерт В. В., Клочкова А. Л. Понятие и особенности киберпреступлений // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. — 2021. № 5. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-osobennosti-kiberprestupleniy (дата обращения: 12.02.2026). — Текст: электронный.
9. **Уголовный кодекс Российской Федерации:** Федеральный закон от 13 июня 1996 года №63-ФЗ: в ред. от 29 июля 2018 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.02.2026). - Текст: электронный.
10. Гилинский Я.И. Преступность в постсовременном мире // Независимая газета, 9 октября 2015 // https://www.ng.ru/ideas/2015-10- 09/5_criminal.html. (дата обращения: 12.02.2026). - Текст: электронный.
11. Гилинский Я.И. Молодежь в обществе постмодерна: взгляд криминолога // Семейная медиация в ювенальной политике. Сборник материалов международной научно-практической конференции/ под ред. В.Ю. Сморгуновой. – СПб., Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. с.54-62.
12. Соловьева О. Доля цифрового криминала в России превысила 25% //Независимая газета, 3 августа 2021 // https://www.ng.ru/economics/2021-08-03/1_8215_economics2.html. (дата обращения: 12.02.2026). - Текст: электронный.
13. Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. - 102-106.

14. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. Вып. 1. (с. 35-49).

15. Яни П.С. О кибернетизации процесса квалификации преступлений // Законность. 2019. № 12 (1022). С. 42-45.

16. Аликперов Х.Д. оглы. Электронная технология определения оптимальной меры наказания ("электронные весы правосудия") // Российский судья. 2020. № 4. С. 59 - 64

Digital transformation of law enforcement: challenges for criminal law practice in the context of an electronic state

Gorlova D.M., Denisov S.I.

I.G. Petrovsky Bryansk State University

This article provides a comprehensive analysis of the transformation of law enforcement under the influence of digital technologies within the context of the development of an e-government. The relevance of this topic lies in the fact that the rapid digital transformation of law enforcement in the context of an e-government creates new challenges for criminal law practice, requiring a theoretical and legal study of the foundations and criminal law consequences of digitalization, including issues of personal data protection and procedural adaptation, which are necessary for ensuring the effectiveness, legitimacy, and protection of citizens' rights in the digital environment. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the digitalization of law enforcement as an element of an e-government, identifying its theoretical and legal models, as well as the specifics of criminal law regulation and law enforcement practice in this new environment. The methodology of the work consists of a combination of general scientific and specific legal methods: dialectical, formal legal, systemic-structural, and comparative legal analysis, as well as the study of judicial practice and elements of law-making analysis. It is concluded that the digital transformation of law enforcement in the context of the e-government is an objective factor requiring a systemic restructuring of criminal law practice. The analysis shows that the introduction of digital technologies not only creates new opportunities for improving the effectiveness of preliminary investigations and trials, but also poses significant risks. Overcoming these challenges is only possible through proactive regulation, maintaining the principle of adversarial proceedings, and ensuring the digital security of trial participants.

Keywords: digitalization of law enforcement, legal regulation, e-government, digital transformation of law, artificial intelligence, information and communication technologies, e-justice, e-government, automation of management processes.

References

1. Glossary of Terms and Concepts in Digital Didactics / Russian State Prof.-Pedagogical University; compiled by: Lomovtseva N.V., Zarechneva K.M., Ushakova O.V., Yarina S.Yu., – Yekaterinburg: RSPPU: Azhur, 2021. – 84 p.
2. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the Context of Digital Reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. pp. 89–94.
3. Can a robot replace a judge?//Rossiyskaya Gazeta - Nedelya - Ural: 21.11 2019 URL:.https.://.rg.ru/.2019/11./12./.reg-urfo/smozhet-li-robot zamenit.sudiu.html?ysclid=mldqf6i0jg509449953&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F. (Accessed: 08.02.2026).
4. The Supreme Court of Russia is studying the experience of using artificial intelligence. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media /34359/?ysclid=mlh1ur9tvv493348971. (Accessed: 08.02.2026).
5. E-Government Act of 2002: US Law "On Digital (Electronic) Government" of 17.12.2002. Pub. L. No. 107-347, 116 Stat. 2899. URL: https://www.justice.gov/opcl/e-government-act-2002 (date of access: 08.02.2026).
6. Habermas Yu. New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Policy / translated from German by T. Atnasheva. - Moscow: New Literary Review, 2023. - 104 p.
7. Kochkina E. L. Definition of the Concept of "Cybercrime". Certain Types of Cybercrimes // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. - 2017. No. 3 (17). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-kiberprestuplenie-otdelnye-vidy-kiberprestupleniy (date of access: 12.02.2026). — Text: electronic.
8. Vinkert V. V., Klochkova A. L. Concept and characteristics of cybercrime // Interdisciplinary studies: experience of the past, possibilities of the present, strategies of the future. — 2021. No. 5. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-osobennosti-kiberprestupleniy (date of access: 12.02.2026). — Text: electronic.
9. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ: as amended. July 29, 2018. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: February 12, 2026). - Text: electronic.
10. Gilinsky Ya.I. Crime in the post-modern world // Nezavisimaya Gazeta, October 9, 2015 // https://www.ng.ru/ideas/2015-10-09/5_criminal.html. (accessed: February 12, 2026). - Text: electronic.
11. Gilinsky Ya. I. Young People in Postmodern Society: A Criminologist's View // Family Mediation in Juvenile Policy. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference / edited by V. Yu. Smorgunova. - St. Petersburg, Publishing House "Alef-Press", 2014. pp. 54-62.
12. Solovieva O. The Share of Digital Crime in Russia Exceeded 25% // Nezavisimaya Gazeta, August 3, 2021 // https://www.ng.ru/economics/2021-08-03/1_8215_economics2.html. (Accessed: 12.02.2026). - Text: electronic.
13. Pashentsev D. A., Alimova D. R. Innovations in Lawmaking in the Context of Digitalization of Public Relations // State and Law. 2019. No. 6. Pp. - 102-106.
14. Pashentsev D.A. Features of Law Enforcement in the Context of the Digitalization of Public Relations // Bulletin of St. Petersburg State University. Law. 2020. Vol. 11. Issue. 1. (pp. 35-49).
15. Yani P.S. On the Cybernetization of the Crime Qualification Process // Legality. 2019. No. 12 (1022). Pp. 42-45.
16. Alikperov Kh.D. oglu. Electronic Technology for Determining the Optimal Punishment ("Electronic Scales of Justice") // Russian Judge. 2020. No. 4. Pp. 59-64.